

Оглавление

ПРОЛОГ	5
МЫШЕЧНАЯ ПАМЯТЬ	6
ТЕСТ	51
ПОСЛЕДНИЙ ХОРОШИЙ ДЕНЬ	82
В ПОСТЕЛИ	85
ТЕЛА	88
LA RETITE MORT	124
ОСОЗНАНИЕ: ЧАСТЬ II	166
ЧТО МЫ В СЕБЕ НОСИМ	170
ЛЕТНЯЯ КОЖА	182
ЗАНОЗА	220
ДОРОГИ И РЕКИ	266
КАНАДСКАЯ КАЗАРКА	279
ОСОЗНАНИЕ: ЧАСТЬ I	313
ВЫ БАНАН?	315
ОБАЯТЕЛЬНЫЙ МУЖЧИНА	339
ДВЕНАДЦАТЬ ПАБОВ И «КОППЕРС»	358
БЛАГОДАРНОСТИ	382

Пролог

Каждому писателю знаком этот миг, который возникает задолго до того, как вы беретесь за перо: миг зарождения, вдохновения, воображения — назовайте как хотите, — волшебный миг оживления разума, прекрасный в своей мимолетности. Его не ухватить — разве удержишь искру, зажигающую пламя? Однако под конец вы всегда его вспоминаете: тот миг, с которого все началось, когда твое творение идеально, когда его совершенство еще не нарушено правилами и ограничениями. Именно этот миг я больше всего люблю в создании чего-то нового: когда то, что будет, — еще только то, что может быть.

Мышечная память

— Налить чая?
Этот вопрос я задавала ему сотни раз. Задаю и сейчас — обыденно, словно все у нас по-прежнему. Однако не успевают слова слететь с губ, мелькает мысль: «Ты спрашиваешь его это в последний раз».

Скорее всего, так и есть. Пресловутые «давай останемся друзьями» — чушь собачья. Тео явно не намерен со мной дружить и говорит так, только чтобы облегчить расставание — разумеется, не мне, а самому себе.

Он предложил сделать перерыв в отношениях, но в действительности имел в виду разрыв. Пока я рыдала на диване у мамы в Дублине, он вывез из нашей квартиры бóльшую часть своих вещей. Он разлюбил меня давным-давно, просто не нашел мужества мне честно признаться. И с тех пор наши отношения покатались вниз по пологому склону, как телега — по грунтовой дороге, а я была привязанной к ней тряпичной куклой, которая волочится по пыльной земле следом. Так и вижу, как я подпрыгиваю на камнях с приклеенной улыбкой и пустым взглядом, довольная, что хотя бы веревка меня держит. Картинка настолько мрачно-забавная, что я вынуждена спрятать усмешку.

— Не откажусь, спасибо, — говорит Тео.

«А не пошел бы ты в задницу», — мысленно предлагаю я на его вполне адекватный ответ. Что ж, вечер предстоит интересный.

Наполняя чайник, я краем глаза замечаю, как он наконец оглядывает комнату.

— Симпатично тут. — Он вовсе не пытается разрядить напряжение шуткой. Я сделала перестановку.

За прошедшие с его переезда два месяца я с каждым днем все больше свыкалась с мыслью, что квартира теперь не *наша*: теперь она *моя*. Вещи, которые некогда напоминали о нем и утешали, стали чужеродными и нежеланными; именно поэтому мне захотелось убрать их с глаз долой.

Первым делом я сняла со стены фотографии: они висели на нескольких рядах протянутой бечевки, прикрепленные крошечными деревянными прищепками — то была моя первая и единственная попытка стать одной из тех хозяйшек, которые украшают семейное гнездышко своими руками. Складывая снимки в коробку из-под обуви (еще не готовая их выбросить), я отметила, какими мы выгладим самодовольными: обнимаемся, прижимаясь щеками, улыбаемся во все тридцать два. Вот мы на музыкальном фестивале. А вот у ворот Букингемского дворца. На одной из фотографий мы лежим полуобнаженные на пляже, позади простирается Тихий океан. Помню, как Тео обрызгал меня ледяной водой, отчего я весело завизжала, а кожа моментально покрылась мурашками.

Все фотографии были сделаны давно, большинство — в начале отношений, когда Тео снимал меня украдкой в совершенно обыденные мгновения: то я лежу, уютно свернувшись, на диване, то смеюсь с друзьями. Мне нравилось, когда он делал непостановочные фотографии без всякого повода, как та, где я иду по мосту Полпенни в Дублине: валит снег, я оглядываюсь... Прелесть!

Последним снимком был полароид, сделанный всего на второй или третий день отношений, которые продлятся целых пять лет: я сплю в его постели, под его одеялом, открывающим обнаженную спину и одну

ногу, а подушка словно залита медом от моей разметавшейся копны медных волос.

Тео забрал этот комплект постельного белья — тот, что с большими зелеными, красными и черными кругами; он годами кочевал с нами из дома в дом. В день отъезда, запихивая свои вещи в пакет, Тео держал его в руках вместе со вторым комплектом и обдумывал, какой из них взять.

Он сказал, что поживет у друга. У Стива. У какого, к черту, Стива, спросила я, будто это имело хоть какое-то значение. Просто перекантуется пару неделек у Стива, сказал он. Соберется с мыслями, сказал, отдохнет, а потом, может, мы вдвоем куда-нибудь съездим, обсудим наши проблемы.

— У Стива только надувной матрас, так что надо взять свое постельное.

Мне показалось странным, что после вроде как внезапной размолвки Тео уже знает, куда уедет жить и как там обстоят дела со спальными местами. И вот, когда он завис перед шкафом, как ребенок, самостоятельно собирающийся в поездку, меня вдруг озарило... Звучит так, будто озарение пришло ко мне и осталось. Но нет. Меня не то чтобы озарило, а скорее облака немного разошлись и на меня упал тонюсенький лучик света. Краткий проблеск ясности, который исчезнет так же внезапно, как и появился, а затем начнет мелькать время от времени, все чаще и чаще, задерживаясь все дольше и дольше, пока наконец облака полностью не рассеются и мой мозг не примет правду: все кончено. Однако облака рассеются еще очень не скоро, и в тот миг первого просветления я сказала: «Ты бросаешь меня, Тео. Забирай оба комплекта к чертям собачьим». Он промолчал. И положил в пакет оба комплекта постельного белья.

Убрав все фотографии в коробку, я встала, уперла руки в бока и некоторое время разглядывала образовавшуюся на стене пустоту. Маленькие деревянные прищепки висели без дела. Впрочем, недолго: на следующий же день я заполнила пространство снимками друзей и родственников, покрыв его воспоминаниями, не связанными с Тео, — теми, которые жили в другом уголке моего сознания, в уголке, куда не больно заглядывать.

Завесив стену новыми фотографиями, я взглянула на оставшуюся пачку и решила продолжить. И прицепила еще кучу к холодильнику. Влезли не все. Тогда я приклеила их к кухонным шкафчикам. Пришлось сперва сбегать в магазин за новым двухсторонним скотчем. Таким образом к концу вечера вся кухня была увешана фотографиями. Закончив, я усмехнулась. Мелькнула мысль, что случайный гость при виде обилия снимков примет меня за маньяка, и я от души расхохоталась. В пустой квартире мой смех прозвучал странно.

Затем я провела своеобразную генеральную уборку: упаковала вещи Тео по коробкам и спрятала все напоминающие о нем. Потом купила новое постельное белье (белоснежное, с оранжевой вышивкой по низу), продала кожаный диван, который всегда терпеть не могла, и купила с рук другой, уютный, накинула на него вязанный плед и разложила желтые подушки. На стенах развесила новые картины и начала каждый вечер зажигать ароматические свечи, чтобы поменять запах. Все знакомые, которые с тех пор заглядывали ко мне в гости, отметили, насколько уютнее стала квартирка. И почему только не переделала все раньше?

Я с радостью встретила зиму с ее длинными вечерами, когда так приятно устроиться в новом уютном уголке и читать все те книги, до которых никак не доходили руки. Я сворачиваюсь калачиком на диване с томиком Норы Эфрон, или Джоан Дидион, или каки-

ми-нибудь другими брошенками, которые побывали на моем месте, справились и готовы поделиться нажитой мудростью. Иногда я прерываю чтение, чтобы обдумать особенно жизненный отрывок, смакую тишину и гляжу на голые деревья прямо за окном; их тощие черные ветви трепещут на ветру, вслепую разыскивая нечто недостижимое.

А когда становится зябко, я включаю обогреватель и отмахиваюсь от голоса Тео в голове, предлагающего просто одеться теплее.

Самой тяжелой, но действенной мерой стала смена обрамленных плакатов «Звездных войн» в некогда нашей с Тео совместной спальне. Впервые я увидела их в его квартире, в которой он жил во время нашего знакомства, а после они неизменно украшали стены всех домов, где мы жили. Общая любовь к «Звездным войнам» стала темой нашего самого первого разговора, а в конфетно-букетный период мы частенько уютно устраивались на диванчике у него в квартире и пересматривали оригинальную трилогию целиком.

Снять плакаты со стены было тяжело вовсе не из-за эмоциональной привязанности к ним. Меня приводила в ужас мысль, что отныне я не смогу смотреть «Звездные войны» с прежней радостью. Взять и снять плакаты со стены теперь уже моей спальни словно являлось признанием поражения, пусть и крошечного. Я готова смириться с тем, что не смогу больше спокойно слушать некоторые песни, что придется первое время избегать какие-то места и даже что я больше никогда не увижу некоторых людей из своей жизни, но мысль о том, что теперь мне будет мучительно смотреть «Звездные войны» — что они навсегда связаны с отношениями, которые покатались в тартарары, — вот эта мысль причиняла боль.

И все же я сняла плакаты, а на их место немедленно повесила портреты трех сильных и независимых женщин. Теперь над моей кроватью бок о бок висят Эллен Рипли¹, Сара Коннор и Бригита². С ними мне спится лучше. Кстати, с тех пор я пересмотрела все три части оригинальных «Звездных войн» и рада доложить, что они по-прежнему вызывают во мне детский восторг.

Сегодня Тео приехал, чтобы забрать свое барахло — то, которое не поместилось в пакет в день ухода и которое он не умыкнул из квартиры, когда меня не было дома. Он еще не видел спальню. Я с нетерпением этого жду. Вообще, мне пришлось подавить громкий смех, когда он переступил порог кухни и наткнулся на впечатляющую выставку из фотографий. Я почти видела, как в его голове крутятся шестеренки и появляется подозрение, что у меня совсем поехала крыша. В паре с моим жизнерадостным настроением, вместо, без сомнения, ожидаемого траурного, это наверняка приводит его в сильное замешательство. Я не пытаюсь запутать Тео, а лишь хочу показать, что мне и без него хорошо. Негативные чувства с его стороны — приятный бонус.

Я включаю электрический чайник, в то время как Тео рассматривает новое оформление комнаты. Он замечает у дивана красные туфли, которые я там скинула после ночной гулянки и решила не убирать — специально, чтобы он увидел. Так по-детски, сама знаю, зато правда: я хотела, чтобы он их увидел. Хотела, чтобы задумался о том, где я была. Какую ночь провела. Напилась ли. Флиртвала ли с кем-то. Может,

¹ Эллен Рипли — героиня фильмов «Чужой». (Здесь и далее — примечания переводчика.)

² Бригита — в ирландской мифологии богиня мужества, выбора цели и направления в жизни.

даже вернулась домой не одна. Задумался о том, чем занималась в нашей постели. Я хотела, чтобы туфли напомнили ему о том, как я надевала их ради него в комплекте с красным нижним бельем. И теперь мне хочется, чтобы он представил, как я надеваю их для кого-то другого. И чтобы эта воображаемая картинка заставила его страдать.

Так уж вышло, что я ни с кем не спала. В тот вечер — как во многие другие в последнее время — я легла в постель и разрыдалась: отчасти от тоски, отчасти от облегчения, поскольку пережила очередной день. По правде говоря, сама мысль о чужих прикосновениях кажется мне в корне неправильной. Тем не менее я один раз сходила на свидание, но лишь пытаюсь таким образом убедить себя, что у меня все в порядке... Иронично, учитывая, что доказала я совсем обратное — ничего у меня не в порядке.

Свидание вышло неожиданным. На прошлой неделе я встречалась с подругой в кафе, где делают тапас. Вдруг за соседним столиком я заметила чрезвычайно привлекательного мужчину, и его красота буквально меня потрясла... К слову, этот «мужчина» на самом деле был мальчишкой, совсем юнцом. По крайней мере в моих глазах: мне тридцать, а он выглядел лет на двадцать с хвостиком. Он ужинал с родителями, поэтому, чтобы не чувствовать себя растлительницей малолеток, я написала свой номер на салфетке и попросила официанта передать ему после моего ухода.

На меня просто-напросто нашла блажь, вызванная приступом тоски. Такие поступки обычно совершаешь с мыслью: «А, будь что будет».

Через час он прислал мне сообщение. Я сохранила его номер, подписав как «Парень из кафешки тапас». Несколько дней мы переписывались. Затем сходили на свидание. Оно обернулось полным провалом.

Ладно, у людей наверняка случаются свидания и похуже. Парень-из-кафешки-тапас вовсе не оказался мерзким или несносным типом. Он был просто никакущим, ни рыба ни мясо: красивый, но пустой сосуд человека, который показал мне, насколько сложно завязать беседу с кем-то, у кого в жизни нет ни амбиций, ни серьезных увлечений.

Мы отправились в коктейль-бар в Шордиче¹ с оттенком ностальгии по восьмидесятым: обои изображают сотни музыкальных кассет, а меню лежат в хлипких видеокассетах. Впрочем, забавный декор не очень-то забавляет, когда твой мир разваливается на части, и я осталась не впечатленной. Тем не менее мы не ушли, заказали коктейли и общались с горем пополам пару коротких, бесконечных часов.

Парень работает моделью (кто бы сомневался), хотя на самом деле «не то чтобы очень увлечен моделингом», просто он был рад подзаработать, поскольку выяснилось, что на пивоварне его приятеля платят не шибко хорошо. Однажды прямо на улице к нему подошла и предложила работу модели привлекательная женщина средних лет.

— Немного похожая на тебя, — сказал он.

Я решила принять это замечание за комплимент.

По прошествии подобающего количества времени я предложила ему закругляться. Официант принес счет на шестьдесят фунтов, однако Парень-из-кафешки-тапас и бровью не повел. Обычно я спокойно оплачиваю половину: я не жду, что мужчина за меня расплатится, но определенно жду, что он не ждет, когда весь счет оплачу я только из-за его смазливой мордашки — а судя по всему, именно на это рассчитывал Парень-

¹ Шордич — район в лондонском Ист-Энде со множеством баров и ночных клубов.

из-кафешки-тапас. Более того, коктейли стоили по десять фунтов, и он выпил четыре, а я — всего два. Поэтому мы продолжили болтать, но теперь между нами на столике сидел слон в виде счета.

Наконец напряжение развеял подошедший официант, который наклонился к нам и с виноватым видом сообщил, что бар закрывается. Тогда мой спутник, определенно уже видевший сумму нашего долга, подался вперед и заглянул в счет, затем шумно вдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Многовато!

— Ага, — отозвалась я, подавив желание объяснить ему основы арифметики.

Он продолжал смотреть на счет с озадаченным видом, пока я в конце концов не сдалась и не предложила разделить счет пополам.

Когда мы шли к станции метро, он взял меня за руку. Неожиданно нежный жест для первого свидания. Затем он обнял меня за талию, и я невольно начала хихикать. Все в порядке, заверила я кавалера, просто немного навеселе, после двух-то коктейлей. Сказать по правде, мне было ужасно неловко, а неловкие положения меня ужасно смешат. Понятия не имею почему. Возможно, некий первобытный рефлекс, вроде смеха на американских горках. В общем, мне надоел весь этот спектакль.

Я остановилась и объявила, что лучше возьму такси, затем поблагодарила парня за приятный вечер и пожелала спокойной ночи, явно давая понять, что на этом наши пути расходятся, однако он непостижимым образом умудрился затянуть прощание до прибытия такси, и вот, не успела я опомниться, он уже садится со мной в машину. Раз уж нам в одну сторону, сказал он, почему бы не поехать вместе. Я сразу объяснила водителю, что остановки будет две.

Когда мы припарковались у его дома, Парень-из-кафешки-тапас подался мне навстречу, чтобы обнять. Но я ошиблась. Когда я несколько холодно его приобняла, он меня поцеловал. Из-за недопонимания, его губы немного промазали и ткнулись в уголок моих. Меня всю передернуло от неловкости. Вероятно, даже он почувствовал. Будучи не из робкого десятка, парень заглянул мне в глаза и в самой патетической манере, в лучших традициях мелодрам произнес: «Я способен на большее».

Вот и все. Меня загнали в угол. Пришлось позволить этому дурню меня поцеловать. Я даже вроде как ответила — никто не хочет запомниться кому-либо из-за ужасного поцелуя, — затем все кончилось, он посмотрел на меня томным взглядом и наконец ушел в ночь, исчезнув из моей жизни навсегда.

Кстати, он не предложил мне денег за такси.

Вернувшись домой, я забила его имя в Интернете и нашла фотографии в нижнем белье от «Кельвин Кляйн». Я представила, как просыпаюсь рядом с ним: лучи солнечного света ласкают почти противоположенно идеальное тело, созданное специально для таких моментов. Потом я представила, как он мне улыбается, и содрогнулась.

Через пару дней я ему написала и выложила все на чистоту: я ошиблась, полагая, будто готова к новым отношениям. Я умолчала о том, что считаю его красивым, но пустым сосудом; хотя он, вероятно, принял бы мои слова за комплимент.

Тео смотрит на красные туфли, затем на меня, затем быстро отводит взгляд. Невозможно угадать его мысли, но на лице словно застыла маска душевной полумуки. Выглядит он ужасно. Русые волосы, которые он всегда укладывает гелем в художественный беспорядок, те-

перь уныло падают на лоб пушистыми прядями. Обычная спортивная выправка как будто сдулась, а лицо бледное, с темными мешками под глазами.

Я задаюсь вопросом, не плакал ли он? Не жалеет ли об уходе? В глубине души я надеюсь, что жалеет. Надеюсь, что возвращение в нашу квартиру напомнит ему, как много он потерял, и что при виде меня — такой без особых усилий прекрасной — он поймет, какую ошибку совершил. Мне хочется, чтобы он упал на колени и молил о прощении. Заметьте, я вовсе не хочу все вернуть, — я уже миновала худший период, и воссоединение сведет все мои усилия на нет, — я лишь хочу, чтобы он признал: без меня ему не справиться. Думаю, тогда мне станет лучше.

— Как мама? — спрашивает он. Ясно, значит, мы перешли к светской болтовне.

— Отлично.

— Правда?

— Нет, Тео. Естественно, она расстроена.

— Ох.

Чайник начинает закипать, постепенно нарастающее бульканье добавляет в разговор вполне уместное напряжение.

— Так что, обсудим всех тех женщин, с которыми ты встречаешься? — спрашиваю я.

— Да черт возьми! — восклицает он.

На отрицание не похоже.

— Вроде как одной из главных причин нашего расставания, которые ты перечислил, — продолжаю я, — была крайняя необходимость «сосредоточиться на себе» и «побыть одному», а теперь, говорят, ты делаешь все возможное, чтобы только не остаться одному.

— Как ты узнала? — спрашивает он невозмутимо, и эта невозмутимость задевает. Впрочем, я этого не показываю.

— О, я тебя умоляю! Ты уже несколько недель подкатываешь к каждой женщине в каждом баре по эту сторону Темзы. У нас много общих друзей, Тео. Люди болтают.

Я покривила душой: на самом деле я читаю переписки с его старого мобильного, который он оставил в квартире. Об этом ему лучше не знать.

— Ну, я тосковал. И мне плохо. Они ничего не значат, мне просто нужна отдушина.

— Ты так им и говорил при встрече?

— Иди к черту.

— Нет, серьезно, ты сразу дал им понять, что они ничего не значат, или когда они уже подбирали свои трусики с твоего пола? — интересуюсь я. — О боже! — До меня вдруг доходит. — Ты занимался сексом на надувном матрасе?

— У меня теперь нормальная кровать, — огрызается он, и я невольно резко выдыхаю, словно мне ударили под дых.

— Что ж, — говорю, — наш мальчик совсем вырос, да?

Он сожалеет о своих словах. Вижу по его лицу.

— Слушай, давай не будем начинать?

— Не начинать что, Тео? Ссориться, или расставаться, или вывозить твои вещи? Первое не обязательно, а вот от остальных двух пунктов не отвертеться.

— Ну не я же выдрючиваюсь по всему Интернету!

В этом предложении меня поражают две вещи. Во-первых, да, я резко увеличила как качество, так и количество постов в социальных сетях. Они следовали точно такой же схеме, как и у любой другой недавно брошенной женщины: все начинается с вдохновляющих цитат и фотографий закатов, вскоре следуют снимки домашнего любимца, а затем переходят к кульминации — тусовкам с друзьями и чрезмерно

отфильтрованным, нехарактерно сексуальным селфи. В последнее время я часто делаю селфи без всякого повода, поскольку скинула больше стоуна¹ и выгляжу потрясно. Иными словами, я потеряла аппетит из-за стресса и готова на все, чтобы его вернуть. Как говорится, нет худа без добра, верно?

Во-вторых, он действительно сказал: «выдрючиваюсь»? Следовало бы сосредоточиться на сути вопроса, но мой мозг завис на этом нелепом слове.

— «Выдрючиваюсь»? — повторяю я и невольно смеюсь. Тео с подозрением на меня косится.

Мне не очень-то удастся развеять впечатление, будто у меня не все дома.

— Прости, — говорю я, взяв себя в руки, — я должна отнестись к тебе с большим пониманием. Должна подумать о том, как мои действия на тебя повлияют. Должна проявить к тебе больше уважения.

Он прищуривается.

— Речь ведь не о моих постах, да?

— Да.

— Речь о моих встречах с другими женщинами.

— Именно так.

— Отлично! Когда это уже закончится?!

Иногда мне хочется записать эти перлы на диктофон и потом ему проиграть.

— Ну, я подняла этот вопрос двадцать секунд назад, так что...

— Господи, и что же ты хочешь знать? — с негодованием вопрошает Тео, будто не он ведет себя как полный придурок.

Я расправляю плечи, задираю подбородок и совершенно бесстрастным голосом задаю вопрос, который хотела задать уже несколько месяцев:

¹ Стоун — 6, 3 кг.